

Е.Н. Мотовникова
ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ДЕМАРКАЦИИ ФОРМАЛЬНОЙ
И НЕФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИК:
К ПРЕДПОСЫЛКАМ И ПОСЛЕДСТВИЯМ

В статье предлагается рассмотреть проблему критериев демаркации формальной и неформальной логики со стороны ее предпосылок и последствий. В процессах размывания границ между логикой (формальной) и прагматикой («неформальной логикой») проявляется когнитивная потребность в лучшем – ясном и точном – научном понимании субъективно-личностной стороны мышления. Таким образом, возникает насущная необходимость уточнения ценностно-методологических приоритетов логических исследований.

The paper proposes to look at the problem of demarcation criteria of formal and informal logic from its presuppositions and effects. Cognitive “need for better” – clear and precise – scientific understanding of subjective, personal side of thinking is manifested in the process of blurring the boundaries between logic (formal) and pragmatics (the ‘informal logic’). Thus there is an urgent need to clarify the values and methodological priorities of logical investigations.

Ключевые слова: неформальная логика, прагматика, формализация, рациональность, субъективность, ценностно-методологические приоритеты.

Keywords: informal logic, pragmatics, formalization, rationality, subjectivity, values, methodological priorities.

...Он придумывает алгоритм решения проблемы на основе неполной или неточной информации и программирует супермена-исполнителя... Такие алгоритмы обычно заводят дело в тупик. Но это предусмотрено! Супермен отступает по всем правилам военно-голливудского искусства, приобретая несмертельные раны и новую информацию. В результате рождается новый алгоритм, гениальнее предыдущего и т.д.

(А. Соловьев, 2004)

Прежде чем отвечать на вопрос о критериях демаркации формальной и неформальной логики, представляется необходимым развести два принципиально разные основания данной проблематизации.

При *первом подходе* исходно данным является существование такого исследовательского направления, которое называет себя «неформальной логикой» («informal logic» Р. Джонсона, Э. Блэра и др.), а вопрос состоит в том, как со стороны или извне этого движения понимать это самоназвание: относить ли создаваемые в рамках данного течения тексты к логической рубрике или к «прикладной эпистемологии», к теории практической аргументации или другим полужоформализованным дисциплинам. При этом считаются уже известными наличие, отсутствие или степени возможности применения процедур формализации к языку описания содержания и алгоритмов действий во всех этих дисциплинах¹. Задача, следовательно, сводится к сопоставлению «неформальной логики» с другими дисциплинами по ряду известных параметров, установлению ближайших сходств и различий между ними и, таким образом, определению места ее в классификации или, скорее, в типологии наук.

При *втором подходе* исследовательская установка исходит из признания заведомой недостаточности аналитических ресурсов всей совокупности разделов и направлений теоретической логики в собственном смысле (как науки о формах и правилах рационального вывода) для всестороннего, полного изучения и оценки (истинностной и нормативной) актуального массива текстов, в которых выражена «мысль изреченная». При таком подходе, очевидно, признаются существенными такие вопросы о качественной определенности мышления, на которые логика форм не отвечает, прежде всего, потому, что качества эти прямо или косвенно связаны с бесконечно разнообразным мыслимым материа-

¹ См., например, сравнительный анализ критериев оценки рассуждений в формальной (валидность) и неформальной (приемлемость, релевантность, весомость/достаточность) логике И. Н. Грифцовой (см.: Грифцова, 1998: 121-126).

лом, с неподразаемой в своих мотивациях личностью мышлящего, с непредсказуемой человеческой ситуацией мышления, т. е., обусловлены *и содержательно*, а не лишь формально. Осмысление границ возможностей логики в анализе, например, такого универсального мыслительного процесса как аргументация², приводит к убедительным выводам о том, что «мы как никогда ранее оснащены техникой рациональной аргументации и инструментами ее проверки», причем «проверки сколь угодно сложной аргументации», но в самой современной культуре мышления, в которой достигнут столь впечатляющий уровень анализа структур языка и мышления, одновременно достигнуто и понимание логической рациональности как только лишь одной из форм мышления, не необходимой, не универсальной и «вообще неприменимой и неэффективной в целом ряде вопросов» (Микиртумов, 2006: 140).

² См. подробное рассмотрение различных направлений осмысления и концептуализаций многозначного понятия аргументации В.И. Чуешовым (2011), в котором особенно заслуживают поддержки призывы автора не отрываться при моделировании аргументации полностью от обыденного ее толкования (Чуешов, 2011: 164) и обратить внимание на «природу тех диалогических отношений, благодаря которым в наши дни воспроизводится философское сообщество» (Чуешов, 2011: 183). В этом же исследовании философских основ аргументации фиксируется важное наблюдение: «Что касается экспликативного моделирования аргументации, то оно и сегодня еще не соотносится с четко прочерченными дисциплинарными границами определенного типа научного знания. Чаще всего экспликативная интенция осмысления аргументации сопрягалась с предметами герменевтики и методологии (в аристотелевском смысле последнего слова), а также методологии, когнитологии и других теоретических форм рефлексии особенностей причинного объяснения. Существующая и в наши дни невыявленность одной, определенной и(или) общей категориальной сетки экспликативного моделирования аргументации нередко, поэтому, приводит к тому, что механизмы причинного объяснения либо принципиально противопоставляются целям и задачам аргументации, либо неоправданно растворяются в них. Односторонность как первого, так и второго достаточно очевидна...» (Чуешов, 2011: 165). Кроме этого справедливого указания на сложную связь убеждающей и объясняющей аргументации следует, по-видимому, вспомнить и о телеологическом объяснении, так же как в моделях аргументации (СМА) явно не хватает выявления более широкого, стратегического целеполагания субъекта аргументации, к чему мы еще обратимся.

Проблема критериев демаркации формальной и неформальной логики предполагает наличие такого положения дел, при котором *есть и* формальная логика, *и* неформальная логика, а граница между ними размыта настолько, что можно затрудниться с отнесением некоторых логических проблем, некоторых логических практик к формальной либо к неформальной логике.

На деле вызывает сомнения возможность (или хотя бы правдоподобная модель) случая, когда формально-логическую проблему или практику пытались бы принять за неформально-логическую: критерии формализованности достаточно строги, понятны, «очевидны» – прежде всего, в смысле формализации языка и процедур, т. е. ясны на уровне феномена.

Проблема, следовательно, возникает именно как проблема формализации, связанная с выходом мыслительных операций (рассуждений) за пределы уже изученных формально-логических процедур, в область таких выражений мысли, где имеются как логические, так и решающие внелогические аспекты, свойства, параметры мышления: при анализе аргументации, принятия решений, коммуникативного акта, гуманитарного исследования, педагогического воздействия, эвристики, «органического», творческого процесса вообще. В стремлении к формализации этих жизненных действий познающего субъекта дает себя знать некий сциентистский или эпистемологический *стиль* – рационального выявления, учета и всемерного использования всех факторов этих действий, в пределе – самой субъектности этих действий и всей совокупности ее средовых составляющих (см.: Пружинин, 2013). Тем самым возникает возможность постановки вопроса об историчности проблемы – исторического «шлейфа» неопозитивистских размышлений, которым она вольно или невольно охвачена. Ну и конечно, важнейшей предпосылкой построения формальных моделей неформализуемых (неалгоритмизируемых) процессов мышления является раз запущенный и уже неостановимый проект искусственного интеллекта, предназначенный создавать серии приблизительных решений для неразрешимых задач.

Даже если встать на позицию познавательного оптимизма и допустить возможность бесконечного прогресса в приближении сложных логических моделей к сложности процессов понимания, интерпретации, остается вопрос, на что можно рассчитывать в случае успеха этого проекта? Получим ли мы логический критерий различения правильного и неправильного понимания, интерпретации, семиозиса? Думается, здесь срабатывает один из основных рационалистических предрассудков логического позитивизма, «лингвистического поворота», «неформальной логики» и других лингвоориентированных проектов, якобы упорядочивающих мышление через язык, через выражение. Настоящая проблема логики, очевидно, не в языке (его субъективности, многозначности и т. п.), а в онтологической свободе мысли и мыслящего, в принципиальной открытости и даже бессмысленности любого списка «правильных ходов» в силу необязательности следовать чужому (как и своему) прошлому мыслительному опыту. Если нет «всегда правильного» (валидного), то нет и «ошибочного», как это и постулируется в неформальной логике; а оценка рассуждения зависит не от логических свойств, а от его порой весьма отдаленных логически случайных последствий.

«В этих условиях отправной точкой исследования логика и лингвиста становится отклонение от идеала рациональной аргументации, причем такое отклонение, по которому можно, во-первых, реконструировать идеал и, во-вторых, построить логическую или прагматическую модель реального аргументативного процесса» (Микиртумов, 2006: 140).

Такую модель представляет собой, например, упомянутая уже системная модель аргументации, предложенная В. Н. Брюшинкиным и развиваемая дальше его коллегами и учениками. Каков же идеал рациональной аргументации, на который ориентируется СМА? Поскольку целое идеала слишком богато свойствами и отношениями и вряд ли может быть вообще адекватно описано, позволю себе остановиться на аспекте, представляющемся мне особо важным и недостаточно проработанным в аргументологии и аргументорике: на диалогическом характере аргументации.

Диалогический характер общения, в контексте которого возникает аргументация, считается с самого начала важнейшим фактором, принимаемым во внимание сторонниками и коммуникативной, и собственно диалоговой, и системной моделей аргументации: «Ключевым моментом для порождения системы аргументов при этом представляется именно это усвоение информации, поступающей в диалогическом общении от адресата, и формирование на этой основе представления об адресате, на основе которого уже порождается система аргументов» (Брюшинкин, 2009: 7). Однако сам диалог понимается, по-видимому, узко, формально, количественно-грамматически, что проявляется в возможности такого, например, высказывания: «в случае признания аргументации фрагментом реального диалога проблема порождения системы аргументов все равно остается неразрешенной до тех пор, пока адресат как-нибудь не проявится в диалоге, т. е. не сообщит о себе какой-либо информации, усвоив которую субъект будет строить свою систему аргументов» (Брюшинкин, 2009: 6-7). Здесь подразумевается возможность диалога, в котором одна из сторон (или обе, конечно) ничего о себе не «сообщает». Но разве такое возможно у людей? Даже в случае так называемого «одиночества вдвоем», молчаливого соприсутствия, разве не обмениваются молчание самыми разнообразными невербальными «сообщениями», всегда дающими повод и для вопросно-ответного, и для аргументирующего совместного мышления? В другом месте этой статьи автор, как кажется, дает возможность философско-диалогического истолкования его картины общения, хотя и выраженной на сугубом естественнонаучном языке: «Эмпирическое исследование происходит в ходе предварительного общения с адресатом и не всегда является сознательным. На основании этого эмпирического исследования формируется (как правило, интуитивное) представление об опорах убеждений и модели мира адресата, а также о его способности устанавливать связь между возможными аргументами и убеждениями. Систематическое осуществление эмпирического исследования адресата приводит к разработке методов диагностики адресата, т. е. более или менее осознанно выраженных способов

выявления его опор убеждений и модели мира. В качестве методов диагностики могут быть использованы, например, «вопросо-ответные системы или некоторые способы психологического тестирования» (Брюшинкин, 2009: 16). Здесь можно еще с натяжкой трактовать как односторонне-предварительное, частичное описание тотальности диалога упоминаемые интуитивные и полуосознанные процессы интерпретации различных психических и психологических проявлений собеседника, хотя однонаправленность этой интерпретации высказана уже вполне определенно. Однако дальше следует совершенно недвусмысленный монологический тезис: «*Модель порождения системы аргументов* – это система знаков, воспроизводящая умственные действия субъекта аргументации по проектированию системы суждений, предназначенных для изменения системы убеждений адресата аргументации (Брюшинкин, 2009: 18)³.

В этом же монологическом ключе СМА развивается и с применением методики когнитивного картирования, тоже сциентистской, объективно-статистической в своих генетических корнях: «...в моем когнитивном подходе, где собственно аргументация (порождение набора аргументов) происходит в уме субъекта убеждения и отталкивается единственно от созданного этим субъектом образа адресата (представления об адресате), диалог рассматривается как

³ Эта же чисто монологическая, «субъект-объектная» позиция фиксируется и в основном определении базового авторского концепта: «*Когнитивная модель аргументации* – модель, основанная на признании решающего влияния на успех/неуспех аргументации внутреннего представления адресата субъектом убеждения и учете ограничений логических и познавательных возможностей субъекта» (Брюшинкин, 2009: 20), особенно показательно в этом же монологическом ключе интерпретируется в конце статьи пример диалога дочери с отцом (см. там же, с. 19-20). В этом же иллюстративном примере, несмотря на то, что аналитически как будто выявляются ценности, интересы и психологические установки отца, выступающего в роли «адресата аргументации», и он, и дочь («субъект аргументации», во втором случае успешно сыгравшая на отцовских «опорах убеждений» для достижения своей цели) выглядят вне всякого этического горизонта: из диалога совершенно невозможно предположить, например, отказалась ли бы дочь от похода на ночной концерт, если бы отцу стало плохо и понадобилась ее помощь.

среда аргументации. Диагностика адресата может иметь место в диалоге, и обычно так и происходит, осуществление аргументации предполагает обратную связь, выражающуюся в изменении образа адресата и приводящую к порождению нового набора аргументов. Хотя когнитивный подход не настаивает на обязательности диалога, на его основе можно определить аргументативный диалог» (Брюшинкин, 2012: 10-11). Необходимые связи представлений знаний субъекта и адресата аргументации при когнитивном подходе мыслятся «как базисные структуры, которые могут составить предмет «нелогической» теории аргументации, или точнее, положить каузальные отношения (между представлениями) в основу, а отношения основание-следствие (логические) считать в такой теории аргументации производными» (Брюшинкин, 2012: 10). Каузальность («ментальная причинность») в когнитивной модели, строящейся с использованием когнитивного картирования, представляется ее адептам настолько надежной, что они могут обещать, например, применительно к анализу политической жизни выявить конкретную систему концептов и категорий эмпирически данного политика, а затем «моделировать мышление и характер аргументации этого политика по другим проблемам» (Сергеев, 2012: 21).

Монологизация и формализация в когнитивной модели живого процесса аргументирующего общения может быть оправдана так же абстрактно, в форме аргументации, обращенной анонимным субъектом к универсальному анонимному же адресату: «Коммуникация всегда есть диалог, в котором обе стороны активны. Однако при построении теоретической модели (которая всегда есть упрощение и если не является упрощением, то и не может быть моделью) разумно из диалога абстрагировать влияние одной стороны на другую с целью изменения убеждений последней. В таком случае мы будем иметь дело с **теорией аргументации**. Диалог тогда может быть представлен как смена позиций «аргументирующего» (или субъекта аргументации) и «аргументируемого» (или адресата аргументации) (цит. по: Лисанюк, 2012: 47-48). Представлять диалог как два монолога, попеременно сменяющие друг друга, отдавая себе отчет в

том, что это не просто упрощение, а искажающая абстракция, отвлекающаяся от существенного в моделируемом оригинале – разумно ли это? Если понятно, что «узость рамок воздействия одного агента аргументации на другого в некоей планируемой первым агентом последующей коммуникации без учета ее реальных результатов превращает СМА в субъективный субъектно-замкнутый мыслительный проект», что «широта понятия “изменения убеждений путем воздействия одного агента на другого” выводит проект изучения аргументации за рамки не только мыслительной, но и вообще рече-коммуникативной деятельности», то можно ли это оправдать таким тривиальным «эвристическим преимуществом», которое, похоже, не далеко выходит за рамки обыденного рассудка и «заключается в том, что субъектно-мыслительное понимание аргументации позволяет построить и изучать ее виртуальную модель, созданную в уме субъекта, которая не только содержит в себе его аргументативные действия, но и предвосхищает возможные реакции адресата» (Лисанюк, 2012: 52)? Похоже, что тут самое время воспользоваться советом коллеги и вспомнить Л. Витгенштейна: «если мы ведем себя ответственно, то о том, о чем мы ничего не можем знать, мы обязаны молчать. Продолжим его мысль: в тех сферах, в которых разум не может нам помочь, мы, если мы хотим быть ответственными, не имеем права отказаться от критического мышления, хотя бы и получали всегда только отрицательные результаты. У некомпетентности, таким образом, не может быть оправдания со стороны критической философии, поскольку некомпетентность может быть осознана и изучена субъектом в каждом случае своего проявления. Все дело в выборе и воле оставаться ответственным перед разумом. Эти выбор и воля принадлежат к основанию мыслящего Я, но реализуют себя непостоянно и не всегда с одинаковой силой, что позволяет нам говорить и действовать, соизмеряясь с разумом каждый раз по-разному» (Микиртумов, 2006: 141-142).

Соизмеряясь с гуманитарным разумом и диалогическими предпосылками мышления об аргументации, перспективнее, на мой взгляд, наметившееся расширение тол-

кования и применения критериев рациональности: формальная логика при этом сохраняет свое незыблемое значение «жёсткого ядра» рационалистической программы, но в поле анализа входит и развитие знания, понимания и этического действия, движимое не логикой (пусть даже охватившей формально субъектность и контекстуальность), а субъективно-личностной волевой целеустремленностью. Исследование этой конкретной целеустремленности, ее вариативности и направленности является своего рода *третьим подходом*, истоки и возможности которого (в том числе выполнения логиками *своей* философской задачи) следует искать в логико-аналитической традиции, восходящей к позднему Л. Витгенштейну, Г.-Х. Вригту, к творческим поискам В. Н. Брюшинкина и др.

Литература

- Брюшинкин, В.Н. (2012) 'Аргументация: общество и сообщество', РАЦИО.ru, № 7, с. 4-19.
- Брюшинкин, В.Н. (2009) 'Когнитивный подход к аргументации', РАЦИО.ru, № 2, с. 2-22.
- Грифцова, И.Н. (1998) *Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики*, М.: Эдиториал УРСС.
- Лисанюк, Е.Н. (2012) 'Когнитивный подход и системная модель аргументации', РАЦИО.ru, № 8, с. 46-65.
- Микиртумов, И.Б. (2006) 'Рациональная аргументация и чуждый ей дискурс', *Мысль*, № 6, с. 139-152.
- Пружинин, Б.И. (2013) 'Введение: Методологические истоки «стиля научного мышления»', Пружинин, Б.И. и Щедрина, Т.Г. (ред.), *Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX веков. От личности к традиции*, М.: Политическая энциклопедия, с. 19-38.
- Сергеев, В.М. (2012) Новый подход к изучению аргументации, РАЦИО.ru, № 7, с. 20-31.

- Соловьев, А.И. (2004) *Искушенный интеллект*, [Online], <http://soloviev.nevod.ru/2004/AI.html> [23 июня 2015].
- Чуешов, В.И. (2011) О природе философской аргументации, *РАЦИО.ru*. №. 6, с. 162-184.

Об авторе

Елена Николаевна Мотовникова – к.ф.н., доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), molena64@yandex.ru.

About author

Dr. *Elena N. Motovnikova*, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, molena64@yandex.ru.